

Содержание

«Систематический истребитель многих бесценных рукописей и бумаг» (Вместо предисловия).....	6
Глава 1. «НАМ ДОЛЖНО ЗНАТЬ НАШИ ФАМИЛЬНЫЕ ДЕЛА В ИСТИННОМ ИХ ВИДЕ»: <i>Николай I и сбор секретных материалов по истории династии Романовых в 1825–1855 гг.</i>	9
Глава 2. «МОЙ ПОКОЙНЫЙ БЛАГОДЕТЕЛЬ»: <i>Эпистолярное наследие Александра I и его эпохи</i>	94
Глава 3. «ПОДЛЕЖИТ СОЖЖЕНИЮ»: <i>Судьба документального наследия вдовствующих императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны и их окружения</i>	148
Глава 4. «Я КАК СТАРАЯ КНИГА»: <i>Бумаги цесаревича Константина и его окружения</i>	191
Глава 5. «МОЙ НЕСЧАСТНЫЙ ОТЕЦ»: <i>Загадки и тайны жизни и царствования Павла I</i>	233
Глава 6. «ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»: <i>Документы Екатерины II и ее окружения в Николаевскую эпоху</i>	285
Послесловие.	357
Указатель имен	359
Указатель географических и топографических названий	377
Список сокращений	382
Избранная библиография	384

«Систематический истребитель многих бесценных рукописей и бумаг» (Вместо предисловия)

Фраза, вынесенная в заголовок этого раздела, отнюдь не случайна. Именно этими словами охарактеризовал своего венценосного деда, императора Николая I, его внук, известный историк великий князь Николай Михайлович (1859–1919). И на то у него были веские причины — занимаясь изучением царствования Александра I, исследователь был неприятно поражен тем фактом, что значительная часть документов той эпохи, и в частности письма императора ко многим современникам, были уничтожены его преемником на троне. Такая же судьба постигла и многие свидетельства современников и предшествующих эпохе Александра I царствований. Можно понять недовольство великого князя как исследователя — благодаря стараниям его деда, наука лишилась ряда бесценных письменных источников, которые позволили бы получить ответы на многие вопросы, интересовавшие как современников, так и историков.

Однако было бы ошибочным считать Николая Павловича лишь своего рода Геростратом от истории, который занимался лишь тотальным уничтожением секретных текстов, связанных с династией Романовых. Император проявлял живой интерес к прошлому своей семьи, который выходил за рамки событий первой четверти XIX столетия. Можно говорить и о том, что он уделял большое внимание документальному наследию прошлого, XVIII столетия, активно знакомясь с письменными источниками, касающихся эпохи Петра Великого, периоду «дворских бурь», годам царствования своей бабки Екатерины II и отца Павла I. Многие из этих материалов самодержец отправлял в архив на «особое хранение». Кроме того, именно в годы николаевского царствования наблюдается процесс

упорядочения делопроизводства разросшегося бюрократического аппарата, создания ведомственных архивов. С начала 1830-х гг. по инициативе императора начинаются масштабные работы по пересмотру состояния архивов Москвы и Петербурга и созданию на базе крупнейших документальных комплексов по истории императорской фамилии и внутренней политики России XVIII — первой четверти XIX в. особого правительственного хранилища, получившего в 1834 г. название — Государственный архив Российской империи.

Внимательное отношение государя к архивам членов императорской фамилии и близких к ней лиц из российской элиты уже обращало на себя внимание исследователей¹. Л. В. Выскочков справедливо отмечал, что для Николая Павловича, «человека с ярко выраженным чувством долга, человека практической направленности, извлекающего уроки истории и одновременно стремившегося преподать обществу уроки... своеобразная экспертиза ценности документов и дозирование информации, доступной для общества, были чрезвычайно важны как с точки зрения династии, так и государства»².

В центре нашего исследования оказались так называемые династические документы — тексты, вышедшие из-под пера членов царской семьи и ее окружения. Значительная часть этих материалов представляет собой «неуместные» для фамильной истории Романовых письменные источники, освещавшие потаенные стороны нескольких царствований, белые пятна, своего рода «болевые точки», смысловые повороты российской истории второй половины XVIII — первой половины XIX в. К этим материалам следует также добавить и те свидетельства современников, которые были непосредственно связаны с историей дома Романовых и могли представлять для династии потенциальную угрозу. Ко всем этим источникам

---

¹ *Соминич Г. Е.* Николай I и архивы // III Царскосельские чтения. Научно-теоретическая межвузовская конференция с международным участием. 26–27 апреля 1999 г. СПб., 1999. Т. II. С. 171–175; *Выскочков Л. В.* Император Николай I и архивы: Династические тайны (Архивы членов императорской фамилии) // Архивы и история российской государственности. Вып. 2. СПб., 2011. С. 77–90; *он же.* Император Николай I и личные архивы государственных деятелей // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2012. С. 100–110.

² *Выскочков Л. В.* Император Николай I и личные архивы государственных деятелей. С. 101.

личного происхождения и проявлял особый интерес император Николай Павлович, приложивший немало усилий для конфискации этих материалов у верноподданных. Но этим дело не ограничивалось — «династические документы» не только уничтожались или отправлялись в «спецхран», они еще и внимательнейшим образом изучались либо самим монархом, либо, по его поручению, представителями т. н. «просвещенной бюрократии».

Из представленной книги читатель узнает, каким образом разбирались и анализировались документы Александра I и его окружения, почему были уничтожены тексты, вышедшие из-под пера императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, какова была судьба архива цесаревича Константина, как происходило изъятие копий скандально известных мемуаров Екатерины II и изучение других документальных свидетельств эпохи Просвещенного абсолютизма, воспоминаний участников мартовского заговора 1801 г., приведшего к убийству Павла I и эписистолярных лиц, входивших в его окружение. И, конечно же, изучение всех этих сюжетов было бы совершенно невозможно без изучения вопроса о степени распространения и бытования в обществе всех тех «секретных материалов», которые издавна привлекали внимание многих известных россиян-интеллектуалов.

Отдельные факты поиска, изъятия и частичного уничтожения во второй четверти XIX столетия документального наследия членов царской семьи хорошо известны историкам и литературоведам. В этой книге мы постарались собрать воедино все эти эпизоды деятельности императора Николая I и его окружения. Сделать это было непросто в связи с разбросанностью этих материалов, сохранившихся как в опубликованных свидетельствах многих современников, так и в различных архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. В этой связи хотелось бы выразить слова благодарности и признательности архивистам, помогавшим в поиске документов по данной проблематике. Моя сердечная признательность и рецензентам книги — И. В. Ружицкой и И. В. Курукину. Отдельно хотелось бы поблагодарить доктора исторических наук П. В. Стегния, ознакомившегося с рукописью и высказавшего целый ряд ценных замечаний и суждений.

Глава 1

«НАМ ДОЛЖНО ЗНАТЬ НАШИ ФАМИЛЬНЫЕ ДЕЛА В ИСТИННОМ ИХ ВИДЕ»:

Николай I и сбор секретных материалов по истории династии Романовых в 1825–1855 гг.

Ко времени вступления Николая Павловича на престол в истории династии Романовых произошло немало событий, о которых и в царской семье, и при дворе, и в великосветском обществе либо предпочитали не вспоминать публично, либо говорили в узком кругу. Бурный XVIII в. начался эпохой Петра Великого, которую сменили потрясения периода «дворских бурь», затем «золотой век» Екатерины II и короткое царствование «романтического императора» Павла I. Гибель нескольких представителей правящей династии, бурная личная жизнь государей и государынь — все эти события вызывали неподдельный интерес в российском обществе и одновременно ставили перед носителями высшей власти задачу тщательного сокрытия ряда событий от глаз любопытствующих. И новый монарх Николай Павлович это прекрасно осознавал, считая при этом, что «нам должно знать наши фамильные дела в истинном их виде»¹.

В юные годы будущий император с удовольствием занимался историей. Любил он и российскую историю, которая излагалась для великого князя весьма своеобразно, под бдительным надзором матери — вдовствующей императрицы **Марии Федоровны (1759–1828)**. Судя по сохранившимся учебным тетрадам Николая Павловича, он внимательно и подробно изучал исторические труды М. М. Щербатова, И. П. Елагина, И. Н. Болтина². Великий

¹ Корф М. А. Записки. М., 2003. С.257.

² Киселева Л. Мифы и легенды «царской педагогики»: случай Николая I // История и повествование: Сб. статей. М., 2006. С. 166.

князь изучал прошлое своей страны по пятитомному сочинению французского историка П. Ш. Левека «История России», которое вышло в Париже в 1782 г. и особенно подробно освещала политические события XVIII в. Книга была популярна в российском обществе, хотя и вызывала противоречивые оценки¹. Императрица-мать 23 июля 1811 г. поручила наставнику сына Г. А. Глинке «вычеркнуть и замарать чернилами все то, что бесполезно или вредно читать великому князю Николаю в истории России, написанной г. Левеком, и представить эту книгу прежде, нежели великому князю, самой императрице с указанием зачеркиваемых мест»². Мария Федоровна, надо полагать, и в дальнейшем активно способствовала сохранению у младшего сына интереса к прошлому. Сохранились известия о том, что в марте 1816 г. историк Н. М. Карамзин общался с будущим императором на предмет истории. В присутствии великого князя он читал главы из своей «Истории государства Российского» вдовствующей императрице Марии Федоровне³. Сама императрица-мать не стеснялась демонстрировать окружающим своей любви к прошлому. Она, например, как и некоторые другие члены царской семьи, проявляла живой интерес и к хранилищу документов, где находились многие секретные материалы по истории династии, — Московскому государственному архиву Коллегии (с 1832 г. — Министерства) иностранных дел (МГАКИД, а затем МГАМИД), открытом еще при Екатерине II⁴. Внимание к этому заведению наблюдается и у Николая Павловича. Известно, например, что 8 июня 1818 г. великий князь сопровождал Александра I и своего

¹ Сомов В. А. Книга П.-Ш. Левека «Российская история» (1782 г.) и ее русский читатель // Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX века. Сборник научных трудов. Л., 1982. С. 82–99.

² Г. А. Глинка, наставник великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича // РС. 1876. № 9. С. 82.

³ Письма Н. М. Карамзина к его супруге из Петербурга в Москву 1816 г. // РА. 1911. № 8. С. 585. Известно, что Карамзин пытался приохотить к истории и других членов царской семьи. В частности, он знакомил с воспоминаниями Б. К. Миниха великую княгиню Екатерину Павловну, которая, прочитав записки, нашла их «весьма любопытными». Историк давал читать великой княгине и дневник воспитателя ее отца Павла I С. А. Порошина. См.: Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. С. 89; Письма великой княгини Екатерины Павловны. Тверь, 1888. С. 29, 31.

⁴ Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву. М., 1860. С. 22, 28. О дате основания архива см.: Самошенко В. Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII — начало XX вв.). М., 1990. С. 16.

тестя прусского короля Фридриха Вильгельма III во время их посещения архива¹. Надо полагать, этот визит во многом способствовал еще большему интересу к прошлому у будущего императора. По крайней мере, в зрелые годы современники также характеризовали Николая Павловича как человека, «чрезвычайно любившего всякую старину, в особенности касавшуюся его семейства»². Эта любознательность проявилась у императора уже в первые месяцы после его вступления на престол. В 1826 г. руководитель МГАКИД А. Ф. Малиновский поднес государю через министра иностранных дел К. В. Нессельроде краткий список наиболее любопытных «сокровищ нашей письменной древности». Отметив в списке крестиком документы об избрании на царство Михаила Федоровича, описание свадьбы первого царя из династии Романовых, три книги с современными портретами царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Ивана Алексеевича, Петра I, а также «артиллерийскую книгу, посвященную генерал-лейтенантом Бауманом царю Алексею Михайловичу», «чертежи батальи у разных европейских держав с 1620 по 1713 год» и план Петербурга 1725 г., император оставил на реестре резолюцию: «За неимением времени желаю посмотреть рукописи, отмеченные крестиком, одну за другою, у себя. И так прикажите, пожалуста, любезный граф, чтобы мне их доставляли последовательно; привозить может кто-нибудь из тамошних служащих»³.

В годы своего царствования Николай Павлович продолжал демонстрировать особое внимание к МГАМИД. По свидетельству А. Я. Булгакова, находясь в ноябре 1831 г. в Москве, император «говорил об Архиве, что был там, что желает показать оный Императрице, но боится, чтобы она не простудилась там. После с графом (К. В. Нессельроде. — А. М.) толковали мы о сем и порешили привезти во дворец любопытнейшие бумаги для Ее величества»⁴. Из сказанного следует, что Николай Павлович пытался «приохотить» к русской истории и членов своей семьи, что ему во многом

¹ Московский Главный Архив и его прежние посетители // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 3–4. М., 1848. С. 72–74. Один из современников отметил, что, посетив архив, Александр I «был доволен порядком» в этом заведении. См.: Булгаков Ф. И. Калейдоскоп московской жизни. 1818, 1819 и 1820 годы // ИВ. 1881. № 5. С. 14.

² Корф М. А. Записки. С. 496; Моя жизнь и художественно-археологические труды. Рассказ академика Ф. Г. Солнцева // РС. 1876. № 6. С. 273.

³ Любознательность императора Николая Павловича // РА. 1896. № 6. С. 292.

⁴ Письма А. Я. Булгакова к его брату // РА. 1902. № 1. С. 136.

и удалось. Так, например, заметный интерес к прошлому проявлял его второй сын великий князь Константин Николаевич, которого император даже специально отправлял к княгине Е. Ф. Долгоруковой слушать ее рассказы «про старину»¹.

Интерес к прошлому своей семьи проявлялся у Николая Павловича и в целенаправленном сборе портретов членов династии Романовых². Обращал самодержец внимание и на изображения государственных деятелей былых времен. В мае 1835 г., посетив имение Д. Н. Шереметева Кусково, царь заинтересовался богатой коллекцией портретов деятелей XVIII в., имевшейся у графа, и попросил разрешения у хозяина сделать с этих изображений копии для своей коллекции³.

Как благодарный потомок, император интересовался и личностью одного из тех, кому Романовы были обязаны своим восшествием на престол в феврале 1613 г. — «выборного всея земли» нижегородца **Кузьмы Минина**. В ходе своего посещения Нижнего Новгорода в 1834 г. Николай Павлович посетил могилу народного героя в Спасо-Преображенском соборе, поклонился гробнице Минина, который «покоился в церкви без других знаков отличия, кроме воспоминаний о его добродетели». Император распорядился «поместить его (Минина. — А. М.) рядом с гробницами коронованных особ в саркофаге, более достойном его выдающимся заслугам и способном противостоять разрушительному влиянию времени»⁴. Кроме того, в ходе посещения гробницы народного героя «благоугодно было Его Величеству дознать, нет ли потомков Минина по прямой, или косвенной линии». С этим вопросом император обратился к военному губернатору Нижнего Новгорода М. Н. Бутурлину. Не получив от того вразумительного ответа, самодержец приказал: «Отыскать; если остались, я награжу за службу предка»⁵. Благодаря этому царскому распоряжению начался не только актив-

¹ Юрий Никитич Бартенев // РА. 1898. № 1. С. 100. Примеч. 2; Из автобиографии Н. И. Иваницкого // РА. 1909. № 10. С. 139.

² Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 10.

³ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М., 2012. С. 583; Император Николай Павлович и императрица Александра Феодоровна в Кускове (1835) // РА. 1901. № 2. С. 325.

⁴ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. С. 567.

⁵ Дело о потомках Козьмы Минина // Действия Нижегородской Губернской ученой архивной комиссии. Вып. 4. Н. Новгород, 1912. Т. 13. С. 5.

ный поиск потомков Минина, но и возрос интерес нижегородской общественности к личности народного героя¹. С этого времени в царской семье появляется традиция обязательного посещения гробницы Минина в ходе посещений Нижнего Новгорода — этот пункт государь сознательно включал в обязательную программу воспитания своих сыновей². Соратник Кузьмы Минина — князь **Дмитрий Михайлович Пожарский**, также удостоился высочайшего внимания. В сентябре 1827 г. по царскому приказу из принадлежащего ранее Пожарскому села Пурех Балахнинского уезда было изъято некогда принадлежащее ему знамя, хранившееся в местном храме. Для этой цели в Пурех был специально направлен титулярный советник Давыдов. Позже, в январе 1852 г. император распорядился учредить комиссию для изучения захоронения князя в Спасо-Евфимьевом монастыре в Суздале, а затем объявил добровольный сбор пожертвований на сооружение надгробия на могиле Пожарского³.

Проявлял Николай Павлович внимание и к другим «местам памяти», связанным с династией Романовых. В 1834 г. император в ходе своей поездки по России посетил в Костроме знаменитый Ипатьевский монастырь, где в 1613 г. вместе с матерью некоторое время проживал первый монарх из династии Романовых — Михаил Федорович. Оглядев помещения, в которых проживал юный государь, Николай Павлович «с любопытством осмотрел все уголки этой небольшой кельи, из которой вышло то величайшее могущество, которое он собрал под своим славным скипетром». Самодержец распорядился восстановить обветшалый монастырь. В ходе своего пребывания в Костроме император принял и представителя рода Сусаниных — потомка крестьянина, спасшего от смерти царя

¹ Подробнее см.: *Морохин А. В., Кузнецов А. А.* Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017. С. 105–110. См. также: ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 2285; ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 345; Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1985.

² *Морохин А. В., Голубин Р. В.* Император Николай I и формирование культуры Кузьмы Минина в первой половине XIX в. // Смутное время: итоги и уроки. Материалы III Всероссийской научной конференции. Иваново, 2016. С. 160–163.

³ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556. Д. 311. (1827 г.) Л. 1; О сооружении памятника князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому // Журнал Министерства внутренних дел, 1852. Ч. 39. С. 270, 271; *Бутурлин М. Д.* О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и о том, где лечился он от ран осенью 1611 года. М., 1876. С. 3, 6. См. также: Заметки и дневники Л. В. Дубельта // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. Т. VI. М., 1995. С. 161.

Михаила Федоровича. По свидетельству А. Х. Бенкендорфа, император «долго говорил с представителем этой семьи, подробно выяснил положение дел и приказал губернатору представить ему проект восстановления их прежнего благополучия, которым они были вознаграждены основателем его императорского рода. Кроме того, он приказал, чтобы дети в семье Сусаниных были обучены за казенный счет, если таково будет желание их родителей»¹.

Среди представителей династии Романовых у Николая Павловича свои предпочтения, пристрастия, симпатии и антипатии. Хорошо известно его отношение к памяти **Петра Великого**. Увлечение Петровской эпохой, огромный пиитет к первому российскому императору прослеживались у его потомка с юности². Известно, что подробное изучение биографии Петра Великого входило в программу обучения Николая Павловича. Великий князь уже с 1804 г. читал извлечения из широко популярного в то время сочинения И. И. Голикова, посвященного царю-преобразователю, а позднее, уже в конце 1812 — начале 1813 г. даже составлял «Краткое

---

¹ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. С. 566–567. См. также: Коробицын Н. И. Историческая заметка о памятнике царю Михаилу Федоровичу и поселянину Ивану Сусанину // Костромская старина. Вып. 4. Кострома, 1907. С. 197–210; Потомки Сусанина (очерки и материалы) // Костромская старина. Вып. 7. Кострома, 1912. С. 72.

² Надо полагать, это увлечение было во многом связано с тем, что Петр I являлся знаковой фигурой официальной идеологии и главным героем династии Романовых с момента своей смерти. С большим почтением к памяти царя-реформатора относилась Екатерина II, которая в своей политической стратегии подчеркивала свою идейную наследственность с первым российским императором. По свидетельству А. М. Грибовского, во время своих поездок по России императрица всегда брала с собой табакерку с портретом царя и не терпела, когда при ней плохо высказывались о нем. Доктрина и образ Петра I занимали важное место и в политике Павла I, который с детских лет восхищался царем и воспринимал себя как продолжатель петровских идей и дел. В молодости Павел I даже рассказывал о явлении ему тени прадеда. См.: Грибовский А. М. Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1989. С. 42; Проскурина В. Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 23, 107–146; Мезин С. А. Екатерина II о Петре I // *Petro primo Catharina secunda*. Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. СПб., 2017. С. 81–92; Скоробогатов А. В., Макарова Н. И. «Прадеду правнук»: образ Петра I в философии власти императора Павла I // Вестник РУДН. Серия «История России». 2004. № 3. С. 18–24; Скоробогатов А. В. Цесаревич Павел Петрович. Политический дискурс и социальная практика. М., 2005. С. 47, 55, 58, 119; Андреев В. Рассказ великого князя Павла Петровича о видении ему Петра I // РА. 1869. № 3. Стб. 517–526.

описание царствования Петра I»¹. А. О. Смирнова-Россет вспоминала: «Государь знал все 20-ть томов Голикова наизусть и питал чувство некоторого обожания к Петру»².

Многие современники сравнивали Николая Павловича с Петром Великим. Декабрист А. Бестужев писал императору из Петропавловской крепости: «Я уверен, что небо даровало в Вас другого Петра Великого»³. А. И. Казначеев в 1830 г. в письмах к графу М. С. Воронцову также отметил, что «начало его (Николая I. — А. М.) царствования похоже на начало царствования Петра Великого — да благословит Его Господь теми же благодетельными последствиями»⁴. Неслучайно А. С. Пушкин с такими словами обращался к молодому государю вскоре после его восшествия на престол:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь прашуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, не злобен⁵.

Сопоставление двух государей, как видим, возникло уже вскоре после 14 декабря 1825 г. благодаря обоюдным усилиям власти и поданных. Эта мода поддерживалась параллелью между двумя императорами. Тогда в обществе появились надежды на проведение «сверху» насущных реформ «благодаря мудрости монарха, достойного блаженной памяти Петра Великого». Граф Ф. П. Толстой, отправляя императору 8 июня 1826 г. записку «О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса», в этой связи писал Николаю Павловичу:

¹ *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2003. С. 23, 28.

² *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 199.

³ Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 44; Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву (1830–1833). М., 1963. С. 125; *Вяземский П. А.* Записные книжки. М., 1992. С. 73; Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб., 1913. С. 260.

⁴ *Казначеев А. И.* Партикулярные письма графу М. С. Воронцову. С. 69, 80.

⁵ *Пушкин А. С.* Избранные сочинения. Л., 1973. С. 139. Примечательно, что эти стихи поэт, по свидетельству А. И. Тургенева, написал экспромтом «в кабинете его величества» в присутствии самого Николая I во время их встречи в Москве в Чудовом дворце 8 сентября 1826 г. См.: *Шильдер Н. К.* Александр Сергеевич Пушкин // РС. 1890. № 11. С. 747–748.

«Государь! Говорят, вы хотите идти по следам Петра Великого. Желание, достойное души Великой! Тот может служить образцом, кто при виде парламентских прений говорил полудиким своим подданным: так учитесь защищать пользу и права народные. Кто писал: Жизнь Петра ничего, только бы жила Россия, ее слава и благоденствие. Знаменитость Петра есть драгоценное состояние России и всего человечества! Но чем он приобрел сию знаменитость? Любовью к истине, которая одна только служит опорой престолов, величием царей и народов. Петр любил слушать истину, хотя бы и каким образом она ни была ему представляема... Я мыслю, что исполняю священную обязанность мою и удовлетворяю намерениям благородного Сердца Вашего, избравшего путь, совершенный Петром Великим для Славы и щастья земли русской»¹. Ожидания общества нашли отражение и в письмах и записках, представленных на имя императора, видных декабристов, высказываниях деятелей проправительственного лагеря и в первых отчетах III Отделения².

Сравнения с Петром Великим не могли не импонировать Николаю Павловичу, который не мог не увидеть в жизни и привычках царя-преобразователя немало аналогий с фактами собственной биографии и своими предпочтениями. Оба монарха рано лишились своих отцов и воспитывались под внимательным наблюдением матерей. Оба вступили на престол после ухода из жизни своих старших братьев. При вступлении обоих на престол были «возмущения» — Стрелецкий бунт 1682 г. и восстание на Сенатской площади. Сближала с Петром I императора и полная неприхотливость в быту. Николай Павлович и на поведенческом уровне стремился подражать стилю великого пращура. Император акцентировал внимание на своей неутомимости, трудолюбии, стремлении лично вникать во все тонкости государственного управления и стремительно разрешать запутанные проблемы. Николай Павлович охотно прибегал и к петров-

---

¹ О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса. Письмо и Записка графа Ф. П. Толстого императору Николаю I (1826) / публ. Н. А. Каргаполовой // Река Времени (Книга истории и культуры). Кн. 1. М., 1995. С. 38.

² *Основат А. Л., Рогинский А. Б.* Историческая проза и государственный миф // Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века. М., 1989. С. 361; *Андреева Т. В., Выскочков Л. В.* Николай I: pro et contra. СПб., 2011. С. 9; Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 123, 235. См. также: Из дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе // РА. 1889. № 3. С. 491.

ской традиции появления «запросто» там, где его присутствия никто не ожидал¹. Узнав, что Петр I пел в хоре, император отдал распоряжение членам своей семьи заняться разучиванием духовных песен и вместе со своими детьми стал петь во время церковной службы². В другой раз, видимо, вычитав у И. И. Голикова эпизод с посещением царем гробницы Минина в Нижнем Новгороде в 1722 г., император поступил подобным же образом, как описал это событие историк, — поклонился гробнице Минина и поинтересовался его потомками. В августе 1827 г. Николай Павлович вознамерился открыть церковь «в казармах 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка, в том покое, где скончался Император Петр I». С этой целью Министерство императорского двора занялось изучением вопроса о том, «в каком именно покое последовала кончина» царя-реформатора и «не имеется ли каких-либо достоверных сведений о сем». Искомых сведений не оказалось, и от идеи открытия храма пришлось отказаться³. В 1830-х гг. к этим поискам вернулись, и изучением вопроса о том, где скончался Петр I, весьма продуктивно занимался А. Л. Майер⁴.

Свою связь с предком император подчеркивал и на символическом уровне: во время коронации он прикладывался к кресту, «осенявшему грудь Петра Великого во время Полтавской битвы»⁵. 16 апреля самодержец подарил старшему сыну накануне его дня рождения портрет Петра I «с желанием быть ему подобным»⁶.

Социальная мода на царя-реформатора также находилась под персональным патронажем Николая Павловича. Современники очень быстро уловили симпатии императора: неслучайно, что именно Петр I стал

¹ Сб. РИО. Т. 78. СПб., 1891. С. 396; Император Николай Павлович и решения им разных дел в 1827–1833 гг. // РС. 1888. № 8. С. 413–420; Петербург в 1827 году. (Из дневника П. Г. Дивова) // РС. 1898. № 1. С. 107; Николай I и генерал Кастельбажак // ИВ. 1901. № 5. С. 109; Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 14.

² Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 240.

³ РГИА Ф. 472. Оп. 12. Д. 247. Л. 1–2.

⁴ *Майер А. Л.* О старом Зимнем дворце и палате, в коей скончался государь император Петр Великий // ВЕ. 1872. Т. 3. С. 5–18. См. также: *Анисимов Е. В.* Смерть в конторке // Родина. 1993. № 1. С. 136–144.

⁵ *Никифоров Д.* Москва в царствование императора Александра II. М., 1904. С. 7.

⁶ *Захарова Л. Г.* Дневник цесаревича // Родина. 1993. № 1. С. 59. Будущего Александра II воспитывали в преклонении перед Петром Великим. См.: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: жизнь и смерть Иосифа Вильегорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 108–109.

излюбленным героем исторической беллетристики в Николаевскую эпоху. Увлечение царем-реформатором в российском обществе в эти годы бросалось в глаза и иностранцам. Посетивший Россию в 1839 г. французский путешественник и литератор А. де Кюстин отметил, что «дух Петра I властвует здесь над всеми еще и в настоящее время». Сам Николай Павлович в беседе с путешественником отметил: «Мы продолжаем дело Петра Великого»¹. Известно и еще одно высказывание императора по этому вопросу: «...жизнию Петра еще живет Россия»². Другой современник, поляк С. Моравский, прожив несколько лет в Петербурге, свидетельствовал: «Сегодня везде и во всем светит только Петр Великий и его время»³.

Расположение государя к великому пращуру проявилось и в его бережном отношении к предметам, связанным с именем Петра Великого. По указанию Николая Павловича — уже через несколько месяцев после его вступления на престол — 29 марта 1826 г. сотрудниками Кунсткамеры был составлен «Реэстр зубам, дерганым Императором Петром I у разных людей и присланным в Эрмитаж для хранения». Во второй половине 1820-х гг. в Зимнем дворце оказались и медицинские инструменты, которыми пользовался царь-реформатор⁴. В 1830-х гг. эти мемориальные вещи были сведены в опись, опубликованную в 1837 г. Здесь были перечислены 1500 предметов, принадлежавших Петру I⁵. Для других хранящихся в Кунсткамере личных вещей царя в 1848 г. по приказу Николая Павловича была отведена специальная галерея в Зимнем дворце⁶. Этими предметами интерес самодержца к великому пращуру не ограничился. В феврале 1827 г. в кабинет императора в Зимнем дворце были доставлены «13 записных или мемориальных книжек» Петра I, «из коих две с грифельными досками и одна с листиками из слоновой кости», а также «неполная готовальня с математическими инструментами (в сей недостает циркуля)

¹ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 102, 108, 124.

² Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. Кн. 1. М., 1987. С. 335.

³ Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 593.

⁴ Зимин И. В. Сундучки императора // История Петербурга. 2018. № 73. С. 69.

⁵ Опись предметам, хранящимся при Императорской Академии наук (в здании Кунсткамеры), в отделении, называемом Кабинет Петра Великого, произведенном в новое устройство в 1837 г. СПб., 1837.

⁶ Подробнее см.: Тарасова Н. И. «Сии вещи суть для россиянина драгоценны» // Основателю Петербурга. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 42–71.

и грифель». В императорском кабинете эти вещи Петра I хранились до 1830 г., а затем были переданы в МГАМИД¹. В начале 1830-х гг. при разборе архива Сената в Петербурге был обнаружен медный лист с изображением брака Петра I. Докладывая императору об этой находке, министр юстиции посчитал возможным передать эту вещь в Академию художеств, но Николай Павлович распорядился переправить раритет министру императорского двора². Верноподданные были прекрасно осведомлены об особом отношении государя к вещам Петра Великого и при случае старались самодержцу угодить. Так, московский купец И. И. Родионов преподнес в дар императору трость из яблоневого дерева, собственноручно сделанную его предком. Подарок был отправлен на хранение в Оружейную палату³.

Высочайшее внимание было уделено не только вещам, связанным с именем первого российского императора, но и зданиям, построенным при великом предке. В 1826 г., по распоряжению Николая Павловича, Екатерингофский дворец, построенный Петром I для его жены Екатерины, был подчинен Гоф-интендантской конторе. Позднее дворец был отремонтирован, а личные вещи первого российского императора были переданы в 1850 г. в Петровскую галерею Зимнего дворца⁴. В 1844 г. был сооружен каменный футляр и над старейшей постройкой Петербурга — первым деревянным домиком Петра I на Петровской набережной. Бережно сохранялся и знаменитый Монплеизир в Петергофе. Л. Ф. Львов так описывал посещение Николаем Павловичем этого дворца: «Из Александрии ежедневно, несмотря ни на какую погоду, государь пешком в 9 часов утра отправлялся в Большой петергофский дворец; заходил непременно во дворец Мон-Плезира и, войдя в спальню царя Петра, с благоговением и крестным знаменем прикладывался к царскому колпаку, находившемуся на царской постели»⁵. Интерес императора к личным вещам царя-преобразователя проявился и в том, что Николай Павлович никогда не расставался с иконой, бывшей с царем в 1709 г. под Полтавой⁶. Когда после разбора имущества умершего цесаревича

¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. № 533. Л. 3.

² Клочков М. О тайном архиве (при Сенате) // Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова. Казань, 1913. С. 192.

³ Епатко А. Ю. «Дубинка» (Трость) как часть образа Петра Великого // Петровское время в лицах — 2020. Материалы научной конференции. СПб., 2021. С. 219–220.

⁴ Божерянов И. Н. Екатерингоф // РС. 1884. № 3. С. 620.

⁵ Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // РА. 1885. № 3. С. 348.

⁶ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 199.

Константина Павловича в арсенале Мраморного дворца был найден «шкаф или бюро, который был употребляем императором Петром Великим», император 2 марта 1832 г. отдал распоряжение: «Ко мне в Эрмитаж»¹. При создании в Зимнем дворце галереи дома Романовых государь с особенным вниманием отнесся к выбору изображения Петра I. 1 мая 1845 г., при очередном осмотре портретов высочайших особ, он заметил, что «голова у портрета Петра I в рост, доставленного из старого Петергофского дворца, не имеет того выражения, которое должно ожидать в портрете такого великого государя». После этого последовало распоряжение «взять в Эрмитаж для снятия копии портрет Петра I во весь рост, находящийся в Павловске в Кабинете покойного императора Павла I», как самое достойное изображение предка². Свое отношение к памяти «великого пращура» император демонстрировал и посещая те города Европы, в которых когда-то бывал Петр Великий. В 1845 г. государь щедро наградил хозяина дома почмейстера И. Розенфельда в датском городке Нюкэбинге, где сохранилась памятная доска, сообщавшая, что здесь 4 июля 1716 г. обедал русский царь³. Любопытно отметить, что особое отношение Николая Павловича к его кумиру разделяли не все члены царской семьи. Второй сын императора, великий князь Константин Николаевич, зафиксировал в дневнике 16 января 1847 г.: «Был за завтраком у Мама́ длинный разговор с Папа́ о Петре Великом, к которому Папа́ имеет почтение и удивление неограниченное, а он узнал, что я не из числа его партизанов (сторонников. — А. М.) и удивлялся тому»⁴.

В отличие от царя-преобразователя, к его дочери, императрице **Елизавете Петровне**, Николай Павлович относился негативно. Так, сохранились нелестные комментарии императора относительно портрета обнаженной юной цесаревны Елизаветы работы Л. Каравакка, о котором Николай Павлович заметил: «Полюбуйтесь целомудрием моей прабабки»⁵.

¹ РГИА. Ф.539. Оп. 1. Д. 1108. Л. 788.

² Калинина К. Б., Коробов В. А., Никифорова А. Б. Результаты реставрации и исследований портрета Петра Великого из собрания Павловского дворца // Атрибуция, история и судьба предметов из императорских резиденций: сборник докладов научной конференции Кучумовские чтения. СПб., 2014. С. 150.

³ Щелкунов И. Житье-бытье Петра Великого в Дании // РС. 1915. № 2. С. 246–247.

⁴ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. № 86. Л. 55. Цит. по: Воронин В. Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019. С. 387.

⁵ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 202.

Свое отношение к Елизавете Петровне он открыто продемонстрировал и во время одного из своих визитов в Москву. Катаясь по городу в сопровождении одного из московских старожил, князя Масальского, Николай Павлович, увидев на церкви Введения в Бараших императорскую корону, заинтересовался у князя ее происхождением. Масальский ответил: «Это, Государь, в память брака императрицы Елизаветы Петровны с Разумовским». Император после этих слов отвернулся и больше не говорил с князем¹. В высшем обществе в 1840-е гг. был хорошо известен рассказ С. С. Уварова (он был женат на Екатерине Алексеевне Разумовской) о том, как уже после кончины императрицы Елизаветы Петровны Алексей Григорьевич Разумовский уничтожил документы, свидетельствующие о заключении этого тайного брака². Надо полагать, такое отрицательное отношение императора к Елизавете Петровне также было связано с широ-

¹ Из записной книжки «Русского архива» // РА. 1909. № 6. С. 300. Слухи о браке императрицы с А. Г. Разумовским ходили уже в 1740-х гг. Их, по крайней мере, передавали аккредитованные в Петербурге иностранные дипломаты и некоторые другие современники. (См.: *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских*: в 5 т. Т. I. СПб., 1880. С. 19; *Валишевский К. Дочь Петра Великого*. Кишинев, 1990. С. 108; *Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750*. М., 2000. С. 150, 298; *Маништейн К. Г. Записки о России*. Ростов н/Д, 1998. С. 316.) Помимо указанного храма в Москве назывались и другие места, где был заключен этот тайный брак — подмосковные села Перово, Петровское, Троице-Сергиева лавра. См.: *Дневник Ивана Михайловича Снегирева*: в 2 т. Т. 1. 1822–1852. М., 1904. С. 259; *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских*. Т. I. С. 19–20; *Лиштенан Ф.-Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других*. М., 2012. С. 143–144.

² Рассказ о браке императрицы Елизаветы Петровны // ЧОИДР. 1863. Кн. 3. С. 153–157; «Я был ничем более, как верным рабом Императрицы». Рассказ С. С. Уварова о браке императрицы Елизаветы Петровны. (Публ. А. Афанасьева) // *Источник*, 2002. № 1. С. 5–11. Этот рассказ А. О. Смирнова-Россет слышала от Д. Н. Блудова в присутствии В. П. Голенищева-Кутузова и Ф. И. Тютчева. См.: *Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания*. С. 132. Современные историки не пришли к единому мнению о том, был ли в действительности заключен брак императрицы с А. Г. Разумовским. Одни считают, что венчание имело место, другие выступают против подобного утверждения. К. А. Писаренко утверждает, что тайного брака в действительности не было, а вместо него было оформлено «брачное клятвенное обещание, освященное благословением духовника, на манер тех присяжных обещаний, что давал каждый подданный императрицы после очередного повышения в чине» (*Анисимов Е. В. Елизавета Петровна*. М., 2002. С. 197–199; *Писаренко К. А. Елизавета Петровна*. М., 2014. С. 406). В семье Разумовских и сейчас хранится маленькая шелковая подушечка с портретами императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Григорьевича с надписью: «Сей тайна благословенна». (*Разумовская М. Разумовские при царском дворе. Главы из российской истории (1740–1815)*. СПб., 2004. С. 15, 66.)

ким бытованием в XIX столетии в высшем обществе рассказов о необузданной «сладоэротичности» дочери царя-реформатора¹. Об отношении Николая Павловича к другим венценосным родственникам будет сказано особо в соответствующих главах этой книги. Добавим, что, помимо личных симпатий и антипатий к тем или иным членам венценосной семьи, в вопросах, связанных с «засекречиванием былого», император руководствовался и сложившимися традициями, связанными с интересами государства.

* * *

В годы николаевского царствования окончательно оформляется практика «засекречивания былого» и уничтожения особо важных исторических документов. Нельзя сказать, что здесь Николай Павлович являлся новатором. Подобные случаи целенаправленного сокрытия и уничтожения правящими монархами материалов, которые могли бы дискредитировать династию, имели место и раньше. Так, например, известно, что у **Екатерины I** хранились два сундука неких секретных документов, которые при ее жизни так и не были уничтожены. После ее кончины в мае 1727 г. эти сундуки оказались у ее старшей дочери **Анны Петровны**, а затем вместе с ней попали в Германию. После смерти цесаревны документами завладел ее муж герцог Голштинский **Карл-Фридрих**, который пытался шантажировать этими секретными материалами российское правительство. В начале 1730-х гг. документы наконец-то попали в руки российским дипломатам, после чего были предприняты меры для секретного хранения этих материалов². При **Петре II** целенаправленно

---

¹ Придворная и великосветская жизнь XVIII — начала XIX в. в рассказах П. П. Лопухина // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 52–53; Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 544–545; *Стефанс Дж. Л.* Записки из путешествия по России и Польше в 1835 году. М., 2018. С. 150. А. С. Пушкин зафиксировал в дневнике в декабре 1833 г. со слов Н. К. Загряжской свидетельство о наличии у Елизаветы Петровны побочной дочери, имевшей фамилию Будакова. Сама Загряжская ссылалась на рассказ «прежних елисаветинских фрейлин» (см.: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. XII. М., 1949. С. 316). В российском обществе бытовали и другие рассказы, в которых личность дочери Петра Великого оценивалась не с лучшей стороны. В Москве, например, в 1818 г. скончался князь Василий Хованский, о котором судачили, что он, будучи пажом Елизаветы Петровны, попал в опалу за то, что «застал ее на судне». См.: *Булгаков Ф. И.* Калейдоскоп московской жизни. 1818, 1819 и 1820 годы // ИВ. 1881. № 5. С. 5.

² Подробнее см.: *Таймасова Л. Ю.* Семейные тайны первых Романовых: «Не приличные к истории документы» // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 6–18.

уничтожались законодательные акты, связанные с судьбой его несчастного отца, царевича Алексея. Уже летом 1727 г. Верховный тайный совет повелел изъять у населения и из государственных учреждений все манифесты о деле царевича Алексея вместе с указом 1722 г. о престолонаследии «и впредь никому тех манифестов в домах своих ни под каким видом не держать и не читать»¹. **Анна Иоанновна**, став императрицей, проявляла интерес к эпистолярному наследию членов царской семьи. В разгар следствия по делу кабинет-секретаря А. В. Макарова в 1732 г. разбирались документы, среди которых была обнаружена и переписка Анны Иоанновны с матерью, которую императрица затребовала к себе и просила московского губернатора С. А. Салтыкова: «...только посмотри тут же еще, нет ли писем всех царевен и царевичей, и ежели есть, то также пришли к нам». Из кабинета Петра I по приказу царицы были изъяты все ее письма к дяде-императору и часть переписки членов династии Романовых за 1700–1726 гг.² Елизавета Петровна пыталась устранить всю информацию о свергнутом ею же **Иоанне Антоновиче** и «вычеркнуть» его царствование из истории. Изымались из обращения монеты с изображением русской «железной маски», сжигались листы с присягой, с 1743 г. началось систематическое изъятие прочих официальных документов с упоминанием свергнутого императора и его матери — правительницы **Анны Леопольдовны** — манифестов, указов, церковных книг, паспортов, жалованных грамот³. К документальному наследию самой Елизаветы Петровны после ее смерти проявил интерес **Петр III**. Поскольку императрица тяжело болела на протяжении достаточно долгого времени и в декабре 1761 г. стало ясно, что она вскоре умрет, кабинет-секретарь А. В. Олсуфьев не стал ждать распоряжения об опечатании документов и ценностей Елизаветы Петровны и сделал это самостоятельно в последние дни ее жизни. Петр III, по свидетельству датского дипломата Г. Х. Гакстгаузена, «тотчас же завладел шка-

¹ ПСЗРИ. Т. VII. СПб., 1830. № 5131. С. 831–832.

² Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны С. А. Салтыкову. 1732–1742 гг. // ЧОИДР. 1878. Кн. 1. С. 152–153; *Санин О. Г.* Архив кабинета Петра I в XVIII–XIX веках // Вестник РГГУ. Серия «История». 2008. № 8. С. 202; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 35977. Л. 4, 8–8 об.

³ ПСЗРИ. Т. XI. СПб., 1830. № 8494, 8641, 8690, 8712, 8822; Т. XII. СПб., 1830. № 9133, 9192, 9197, 9213; *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 343.

тулкой с бумагами» скончавшейся тетушки¹. После Петра III изучение бумаг Елизаветы Петровны продолжила **Екатерина II**. По ее распоряжению значительная часть архива дочери Петра I была уничтожена². По свидетельствам современников, императрица занималась изучением и архива скончавшейся в апреле 1776 г. невестки — великой княгини **Натальи Алексеевны**. До конца неясным остается вопрос о том, что же находилось в этих таинственных бумагах. По одним сведениям, это была любовная переписка великой княгини с А. К. Разумовским, а по другим — «политические проекты и прямые указания на заем». Некоторые современники даже утверждали, что компрометирующие великую княгиню документы были поддельными³. М. Д. Корберон указывал, что в шкатулке великой княгини «нашли письма графа Андрея (Разумовского. — А. М.), что и вызвало его опалу»⁴. В донесении французского дипломата Ж. Г. Жюинье также отмечалось, что «между бумагами великой княгини императрица нашла проект новой политической системы», автором которого был все тот же А. К. Разумовский⁵. Позднее, в 1778 г., английский дипломат Д. Гаррис сообщал в Лондон о «странных письмах», найденных в бумагах Натальи Алексеевны после ее смерти. Слухи о таинственных бумагах великой княгини оказались

¹ В потайном кабинете Елизаветы Петровны, ключи от которого были только у нее, после ее кончины «найжены были чрезвычайно странные предметы, например, всякого рода снедь, морковь, огурцы, восковая свеча, которую она держала во время обручения нынешнего Императора (Петра III. — А. М.), старинные записки ее отца и много других подобных вещей, и все это среди бриллиантов огромной ценности» (Донесения датского посланника Гакстаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 года // РС. 1915. № 2. С. 277).

² *Гусарова Е. В.* Кто спрятал библиотеку и бумаги императрицы Елизаветы Петровны? // Вольтеровские чтения. Сборник научных трудов. Вып. 5. СПб., 2019. С. 68–75; См. также: Сб. РИО. Т. 42. СПб., 1885. С. 298. На сегодняшний день опубликована лишь незначительная часть документов, вышедших из-под пера Елизаветы Петровны. См.: *Семевский М. И.* Письма и записки императрицы Елизаветы Петровны // ЧОИДР. 1867. Кн. 4. Смесь. С. 26–39; АКВ. Кн. 1. М., 1870. С. 4–12; Императрица Елизавета Петровна и ее записочки к Василию Ивановичу Демидову // РА. 1878. № 1. С. 10–15.

³ *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. Т. III. СПб., 1882. С. 37; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. М., 1995. С. 110, примеч. 2; *Русский биографический Словарь.* Т. «Притвиц — Рейс». СПб., 1910. С. 443; *Головкин Ф. Г.* Двор и царствование Павла I. Портреты и воспоминания. М., 2003. С. 326.

⁴ *Екатерина.* Путь к власти. М., 2003. С. 128.

⁵ *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. Т. III. С. 38–39.

весьма живучими в придворном обществе и нашли отражение в воспоминаниях многих современников ¹.

Павел I особым указом от 26 января 1797 г. приказал уничтожить все издания манифеста о вступлении на престол Екатерины II, датированного 6 июля 1762 г.²

Неоднократно предпринимались и попытки изъятия литературы, компрометирующей российскую монархию. Так, ознакомившись с работой А. Гудара «Записки для истории Петра III», Екатерина II 22 июля 1763 г. отдала распоряжение конфисковать книгу, которая, по ее словам, была «еще оскорбительнее для нации, как персонально для меня»³. Известно и о усилиях императрицы, пытавшейся воспрепятствовать изданию в Европе книги К. К. Рюльера, бывшего сотрудника посольства Франции в Петербурге, посвященной перевороту 1762 г. Автор подробно описал сцену убийства мужа Екатерины II, заметив при этом: «Нельзя достоверно сказать, какое участие принимала Императрица в этом приключении, но известно то, что в тот день, когда это случилось, Государыня садилась за стол с отменной веселостью...»⁴ И хотя изъять рукопись не удалось, с автором была достигнута договоренность не публиковать книгу при жизни Екатерины II — сочинение Рюльера, умершего в 1791 г., увидело свет в 1797 г.⁵

С именем императрицы связана и инициатива изъятия библиотеки и рукописей известного историка и общественного деятеля князя **Михаила Михайловича Щербатова** после его смерти. Узнав о кончине князя, Екатерина II отдала распоряжение московскому генерал-губернатору А. А. Прозоровскому «постараться купить библиотеку и собрание покойного». Надо полагать, это распоряжение во многом было связано с оппози-

---

¹ См.: Записки Александра Михайловича Тургенева // РС. 1887. № 1–3. С. 79–80; *Чарторыйский А.* Мемуары. М., 1998. С. 189–190.

² ПСЗРИ. Т. XXIV. СПб., 1830. № 17759. С. 301–302.

³ Сб. РИО. Т. 48. СПб., 1885. С. 559; Екатерина Великая. Труды ее в первые два года царствования. Своеручные письма и заметки // РА. 1912. № 7. С. 329.

⁴ *Рюльер К. К.* История или анекдоты революции в России в 1762 г. // Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 года. М., 1997. С. 470.

⁵ АКВ. Кн. VII. М., 1875. С. 605; Сб. РИО. Т. 17. СПб., 1876. С. 43, 44, 51, 52, 59; *Рамбо А.* Императрица Екатерина Вторая в переписке с иностранцами // РА. 1877. № 7. С. 280–282; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании Европы эпохи Просвещения. М., 2003. С. 402. Подробнее см.: *Тимирязев В. А.* Рюльер и Екатерина II // ИВ. 1894. № 8. С. 508–524.

ционными настроениями Щербатова, о которых в обществе было хорошо известно. Кроме того, занимая должность официального историографа, князь был неплохо знаком с архивами, содержащими секретные сведения. К середине 1791 г. библиотека и часть рукописей князя оказались у императрицы, выкупившей это собрание за 50 тысяч рублей. При этом Екатерине II удалось завладеть лишь частью щербатовского архива, который успел разобрать сын князя Дмитрий Михайлович, сохранивший в семье часть манускриптов¹.

Подобным же образом «Северная Семирамида» поступила и с документальным наследием **Михаила Васильевича Ломоносова**: архив учебного был опечатан уже на следующий день после его кончины, 5 апреля 1765 г. «Все письма с прочими вещами» были запечатаны Г. Г. Орловым в кабинете покойного. Сообщая историку Г. Ф. Миллеру об этом факте, И. И. Тауберт заметил: «Без сомнения, в нем (кабинете Ломоносова. — А. М.) должны находиться бумаги, которые не желают выпустить в чужие руки»². Что явилось главной причиной изъятия ломоносовских документов — остается только гадать³.

¹ *Моисеева Г. И.* М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин (Записка «О повреждении нравов в России») // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 88–89; *Польской С. В.* «Потаённые» сочинения князя М. М. Щербатова и его записка «Мнение о законах основательных государства» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 217–222. См. также: *Мурзакевич Н.* Кабинет Зимнего дворца императрицы Екатерины II // ЖМНП. 1872. № 8. С. 333; *Афферика Д.* К вопросу об определении русских рукописей М. М. Щербатова в собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1980. Т. 35. С. 377–393; «О повреждении нравов в России» М. Щербатова // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. С. 24. В своем знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России» Щербатов, например, упоминал о своем знакомстве с «архивом Петра Великого», в котором его заинтересовало одно из писем, проливающих свет на весьма непростые отношения будущей императрицы Анны Иоанновны с матерью, царицей Прасковьей Федоровной. См.: О повреждении нравов в России князя Щербатова и Путешествие А. Радищева. С. 47.

² *Ламанский В. И.* Ломоносов и Петербургская Академия Наук. Материалы к столетней памяти его // ЧОИДР. 1865. Кн. 1. С. 174; *Пекарский П. П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Записки Императорской Российской Академии наук. 1865. Т. VIII. Кн. 2. С. 88–89; *Кулябко Е. П., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 142.

³ В литературе и СМИ высказывалась и продолжает муссироваться предположение о том, что великий ученый был внебрачным сыном Петра I (см., напр.: Вопросы-ответы над могилами / сост. Г. В. Смирнов. М., 1996. С. 107–115). Если данное

Некоторые представители венценосной семьи еще при жизни беспокоились о будущем своего эписистолярного наследия и прилагали усилия к изъятию своих собственных ego-документов, которые могли их потенциально скомпрометировать в будущем. Та же Екатерина II, создавшая скандальные мемуары, речь о которых пойдет впереди, считала свои записки совершенно секретным документом. От своего многолетнего корреспондента **Фридриха Мельхиора Гримма** императрица требовала сжигать ее письма или спрятать их в такое место, откуда их не смогли бы достать в течение 100 лет. Тем не менее послания своей августейшей корреспондентки Гримм хранил при себе до самой своей кончины в Готе в 1807 г. В завещании, составленном еще при жизни Екатерины II, он зафиксировал свое намерение вернуть адресованные ему письма императрицы ее любимому внуку Александру I лишь через десять лет после своего ухода из жизни. Близкие к Гримму лица из семьи де Бюэй сообщили в Петербург о наличии этих посланий сразу после смерти корреспондента императрицы, рассчитывая получить за них приличное вознаграждение. После переговоров при посредничестве представителя франкфуртского банкирского дома С. М. Бетмана, в октябре 1808 г. письма Екатерины II к Гримму были выкуплены у семьи де Бюэй за весьма приличную сумму в размере 20 тысяч рублей¹. Примечательно, что именно старшему внуку Екатерина II завещала все свои бумаги. Еще весной 1792 г. она подготовила завещание, в котором распорядилась «вивлиофику мою со всеми манускриптами и что в моих бумагах найдется моей рукой писано, отдаю внуку моему, любезному Александру Павловичу...»².

Екатерина II с первых дней своего царствования очень внимательно следила и за хранением секретных документов³. Уже 19 августа 1762 г.

предположение верно, то оно отчасти может объяснить интерес Екатерины II к документальному наследию М. В. Ломоносова.

¹ Сб. РИО. Т. 2. СПб., 1867. С. 377; Т. 23. СПб., 1878. С. V; *Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. СПб., 1885. С. 724. Подробнее см.: *Карп С. Я.* Переписка Екатерины II с Фридрихом Мельхиором Гриммом: из истории рукописей // Век Просвещения. Вып. 1. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 30–49.

² Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 12. 2-й полутом. СПб., 1907. С. 702–703.

³ В этом вопросе императрицу вряд ли стоит считать новатором. Еще Петр I 16 января 1724 г. высказал Сенату свое недовольство способом хранения секретных документов: «Зело удивительно, что как ординарные так, и секретные дела в Сенате по помытъям, того ради, получа сие, учините по примеру Иностранной кол-

императрица подписала указ, согласно которому вход в помещение, где хранились секретные документы, разрешался только «в присутствии генерал- и обер-прокурора или одного из сенаторов». Ряд документов государыня снабжала собственноручной надписью: «Отдать в сенатскую архиву на сохранение, запечатавши, и никому без нашего именного повеления не распечатывать». В отношении соблюдения режима секретности весьма показательно и письмо Екатерины II к вице-канцлеру князю А. М. Голицыну от 4 мая 1764 г.: «...На примечание князя Долгорукова (Владимира Сергеевича, российского посла в Берлине. — А. М.), что будто у нас секрет в коллегии худо хранится, что я прежде всех сие приметила и неоднократно Никите Ивановичу (Панину. — А. М.) сказывала. Я же ныне так осторожна, что у меня в комнаты никому без изъятий знать не можно, где и когда бумаги читаю, и кой час прочтены, назад их посылаю; и тако редко три часа у меня бумаги бывают. Не знаю, каков секрет у Никиты Ивановича и у вас в коллегии, а у меня, право, крепко хранится, и я ни с кем о делах не говорю»¹.

При Екатерине II же начинает складываться и практика изъятия ее писем к наиболее близким придворным². Так, после смерти в 1786 г. ближайшей наперсницы императрицы — **Прасковьи Александровны Брюс**, государыня приказала собрать свои многочисленные записки к ней, запечатать, не читая, и отдать ей в руки³. После кончины другого известного сподвижника Екатерины II — светлейшего князя **Григория Александровича Потемкина**, был составлен реестр оставшихся после него документов, которые в январе 1792 г. были привезены в Петербург и императрица заперла

легии, чтоб секретные дела были особливо у надежных людей» (См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 17. Л. 12).

¹ Иванов О. А. Петр III. Загадка смерти. М., 2018. С. 64.

² Изымались письма лиц, входивших в ближайшее окружение императрицы и ведавших ее тайны. В этом плане примечательна реакция Екатерины II, последовавшая после кончины в 1767 г. новгородского владыки Дмитрия (Сеченова). Обнаруженные в архиве митрополита четыре письма императрицы по распоряжению государыни были отправлены на хранение в Новгородскую духовную консисторию «в незабвенную память к нему, преосвященному». Владыка Дмитрий не относился к числу лиц, которым императрица доверяла свои тайны, и ее письма не содержали секретной информации. См.: Григорович Н. И. Четыре письма императрицы Екатерины II к Димитрию (Сеченову), митрополиту Новгородскому (1763–1766 гг.) // РА. 1869. № 2. С. 198.

³ Лубяновский Ф. П. Воспоминания. М., 1872. С. 222.

их в особом ящике¹. По некоторым данным, Екатерине II вернул шкатулку с ее письмами и другими секретными бумагами камердинер Потемкина Ф. Е. Секретарев². Последний, если верить свидетельствам современников, был настолько предан императрице, что она даже тайно передала ему на хранение небольшой ящик с бумагами, который Секретарев хранил у себя и после смерти государыни. Интерес к этим документам со стороны членов царской семьи ярко свидетельствует о том, какое значение придавалось всем этим секретным материалам. В 1818 г., во время пребывания императорской семьи в Москве, факт наличия у Секретарева документов Екатерины II дошел и до Александра I. К камердинеру Потемкина для изъятия бумаг был направлен обер-полицмейстер Шульгин, но Секретарев успел их сжечь³. По сведениям П. И. Бартенева, Шульгин был близок к цесаревичу Константину Павловичу, который и направил обер-полицмейстера за бумагами бабки, которые представляли собой ее записки на русском языке, «писанные небольшими тетрадками»⁴. Реальность этого факта вполне допустима — в конце мая 1818 г. цесаревич действительно находился в Москве⁵.

Внимание к документальному наследию Екатерины II проявлял и ее сын Павел I, который еще при жизни матери, в 1788 г., перед своей отправкой на театр военных действий со Швецией подготовил завещание и ряд других документов, в числе которых находилась и его инструкция к жене, включавшая в себя пункты, которые Марии Федоровне необходимо было

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 368. Оп. 1. № 9; Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М., 1990. С. 259. Письма императрицы к Потемкину после его кончины были возвращены Екатерине II секретарем светлейшего князя В. С. Поповым. В письме к нему от 4 ноября 1791 г. государыня отметила этот факт, сообщив, что «возвращенные письма я получила». Кроме того, часть посланий императрицы к своему любимцу вернул и племянник Потемкина А. Н. Самойлов. См.: Сб. РИО. Т. 42. СПб., 1885. С. 211; РГИА. Ф. 899. Оп. 1. № 966.

² Цесаревич Павел Петрович и камердинер Секретарев // РС. 1874. № 9. С. 153–154.

³ Корсаков А. Федор Ермолаевич Секретарев // РА. 1882. № 1. С. 165–166.

⁴ Там же. С. 166.

⁵ Об этом свидетельствует письмо Константина Павловича к Ф. П. Опочинину, написанное в Москве и датированное 29 мая 1818 г. См.: Цесаревич Константин Павлович. Переписка с Ф. П. Опочининым. 1816–1831 // РС. 1873. № 4. С. 461. См. также: Булгаков Ф. И. Калейдоскоп московской жизни. 1818, 1819 и 1820 годы // ИВ. 1881. № 5. С. 11; Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1997. С. 108.

выполнить в случае смерти императрицы. В одном из них говорилось, что сразу после смерти Екатерины II все ее бумаги должны быть собраны в одном месте, кроме того, «должны быть наложены печати на все столы и ящики, которые могут содержать бумаги в ее апартаментах. Все они будут перенесены в одну комнату, которую следует закрыть и запечатать». Великий князь подготовил и подробные указания о том, как поступить с печатями, кому и как отвечать за их сохранность. Помимо этого, он сделал и распоряжение об опечатывании бумаг наиболее видных сановников и фаворитов матери. Особый пункт гласил: «В случае, если передадут последнюю волю императрицы, я должна прочесть ее, запечатать и немедленно отослать к императору»¹. Как только стало известно о том, что у пораженной тяжелым инсультом Екатерины II нет шансов выжить, ее сын утром 6 ноября приказал собрать и запечатать все бумаги, находившиеся в кабинете матери. Эту процедуру он поручил Ф. В. Ростопчину, которому новоявленный государь дал свою печать, и А. Н. Самойлову. Ф. В. Ростопчин вспоминал: «Мы завязали в салфетки все, что было на столах, положили в большой сундук, а к дверям приложили вверенную мне печать»². Источники зафиксировали, что Павел I «приступил и сам» к изъятию бумаг, «начав собирать оныя прежде всех». Кроме того, к этой операции были подключены А. А. Безбородко, великие князья Александр и Константин, камердинер Екатерины II Иван Тюльпин. После того, как дело было сделано, двери кабинета были заперты и опечатаны, а ключ от них император взял себе³. В дальнейшем, по свидетельству А. М. Грибовского, Павел I забрал опечатанные в кабинете Екатерины II бумаги⁴. Интерес к документам матери у ее сына и преемника во многом был продиктован соображениями легитимности собственной власти. Известно несколько версий уничтожения Павлом I подготовленного Екатериной II проекта манифеста о передаче престола внуку Александру. Среди тех, кто мог пере-

¹ РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. № 53. Л. 11–13, 9.

² Рыцарь трона. М., 2006. С. 17.

³ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896. С. 740–741; Запись о кончине высочайшей, могущественнейшей и славнейшей Государыни Екатерины II, Императрицы Российской в 1796 г. // Осьмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. И. Бартеневым. Кн. 2. М., 1869. С. 641–642.

⁴ Грибовский А. М. Записки о императрице Екатерине Великой. С. 86. Сохранилась опись секретных бумаг Екатерины II за 1777–1796 гг., составленная вскоре после смерти императрицы. См.: РГИА. Ф. 468. Оп. 40. Д. 436.

дать этот документ императору, мемуаристы называют А. А. Безбородко, П. А. Зубова, Н. И. Салтыкова и даже самого великого князя Александра¹. Среди бумаг императрицы были обнаружены и некоторые компрометирующие ее материалы, такие, например, как письма к Екатерине II из Ропши от А. Г. Орлова, которые Павел I сжег после ознакомления. Копию с этого документа успел сделать Ф. В. Ростопчин, который, по собственным словам, «имел его (документ. — А. М.) с четверть часа в руках»². Некоторые современники упоминали об уничтожении новоявленным императором обнаруженного в кабинете матери завещания Екатерины II, в котором она отстраняла сына от наследования престола и провозглашала своим преемником внука Александра³. Интерес к екатерининским документам Павел I проявлял и после изучения хранившегося в ее кабинете архива. Так, например, супруга великого князя Александра Елизавета Алексеевна в письме к матери от 1 июля 1797 г. отмечала, что император поручил старшему сыну и «некоторым другим» заняться разбором бумаг своей первой жены Натальи Алексеевны⁴. Разбор бумаг Екатерины II продолжался и в последующие годы⁵.

Отец Николая Павловича проявлял интерес и к другим важным историческим документам, связанным с историей династии Романовых. В личном архиве Павла I хранились следственные материалы, извлечен-

¹ Рассказы князя С. М. Голицына, записанные М. П. Полуденским // РА. 1869. № 1–6. С. 643.; *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1867. С. 195; *Тучков С. А.* Записки. СПб., 1908. С. 120; *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма [в 2 т.]. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 133; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 309.

² Замечание графа Ф. В. Ростопчина // РА. 1911. № 7. С. 26.

³ Записки Якова Ивановича де Санглена // РС. 1882. № 12. С. 471–472; Записки Александра Михайловича Тургенева // РС. 1887. № 2. С. 336. Императрица в письме к Ф. М. Гримму от 14 августа 1792 г. отмечала: «Мой Александр женится, а затем будет коронован со всеми возможными церемониями, торжествами и всенародными праздниками» (Сб. РИО. Т. 23. СПб., 1878. С. 574). Историк Н. К. Шильдер в этой связи, ссылаясь на некое предание, упоминал о хранении в Сенате и Синоде «каких-то таинственных пакетов», в которых находились распоряжения Екатерины II о престолонаследии, которые затем исчезли. О предании о завещании императрицы в пользу старшего внука упоминал и Н. И. Греч. См.: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Кн. 1. С. 502–503; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. С. 309. Подробнее см.: *Сафонов М. М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2002.

⁴ *Николай Михайлович, (вел. князь).* Императрица Елисавета Алексеевна, супруга Императора Александра I [в 3 т.]. Т. 1. СПб., 1908. С. 298.

⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 52762. Л. 1–2 об.

ные из Преображенского приказа и Тайной канцелярии за первую половину XVIII в. Среди этой коллекции видное место занимали документы о А. М. Девиере, П. А. Толстом, Г. Г. Скорнякове-Писареве, осужденных за участие в заговоре против Меншикова в 1727 г., о самом светлейшем князе, князьях Долгоруковых, А. П. Волынском, А. И. Остермане, Б. Х. Минихе, М. Г. Головкине и других, известия о подготовке заговора в гвардии в пользу дочери Петра I Елизаветы, письма к ней из Франции с советами не мешкать с переворотом. Царь не просто держал при себе эти документы, он коллекционировал их¹. При этом Павел I, видимо, руководствовался политическими соображениями — он стремился не допустить повторения подобных событий².

«Романтический император» пытался держать под контролем и компрометирующую правящую в России династию литературу, что наиболее ярко иллюстрирует история сочинения одного из иностранцев на русской службе **Шарля Массона** (1762–1807). Служивший некоторое время учителем математики, а затем и секретарем при великом князе Александре Павловиче, этот француз, будучи свидетелем многих происходивших при дворе событий, после своей высылки из Петербурга в конце 1796 г.³ написал труд «Секретные записки о России», изданные одновременно в Амстердаме и Париже (в 1800 г. увидели свет 1-й и 2-й тома, а в 1802 г. был издан 3-й том). Автор много внимания уделил личности Екатерины II и ее фаворитам. Российская императрица, по словам Ш. Массона, «подчиняя любовь, чувство и стыдливость, присущую ее полу, властным физиологическим потребностям, воспользовалась своей властью, чтобы явить миру единственный в своем роде скандальный пример. Дабы удовлетворить свой темперамент, она имела бесстыдство учредить придворную должность с полагавшимися при ней: помещением, жалованием, почестями, привилегиями и, самое главное, с четко предписанными обязанностями...»⁴. Как только сочинение Массона вышло из печати, россий-

¹ Кононов Ю. М. Частные коллекции рукописных материалов в России до XIX века. М., 1967. С. 139–140.

² Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. С. 224–225.

³ О высылке Ш. Массона см.: Рябинин Д. Д. Высылка из России братьев Массонов // РС. 1876. № 3. С. 548–585.

⁴ Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 61. Об этом сочинении см.: Ощепков А. Р. «Секретные мемуары» Ш. Массона как образец «литературы анекдотов» о России // Знание, понимание, умение. 2011. № 1. С. 160–167.

ский дипломатический представитель в Берлине сразу же отправил книгу с курьером к Павлу I, который тут же отдал распоряжение всем полномочным представителям России при германских дворах препятствовать распространению этого издания. Уже после смерти Павла I, в ноябре 1801 г., российский консул в Лейпциге И. Шварц добился у саксонских властей запрета на продажу книги, равно как и ее перевода на немецкий язык, по причине предосудительных «поношений и измышлений». В России книга Массона также была запрещена, что только способствовало ее популярности в обществе. Многие известные представители правящей элиты, такие как П. И. Багратион, М. С. Воронцов, А. К. Разумовский, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, Д. Н. Шереметев имели это крамольное издание в своих библиотеках¹. В 1814 г. Массон направил Александру I прошение о назначении ему пенсии за то, что он некогда обучал великих князей верховой езде. Император отреагировал оригинально: вместо пенсии он отправил ему экземпляр его сочинения².

По традиции, после смерти Павла I разбирался и его архив. Активное участие в этом процессе принял князь **Александр Борисович Куракин**, который, по некоторым сведениям, кое-что из документов переписывал и для себя, как, например, завещание погибшего императора³.

Сменивший Павла I на российском престоле Александр I продолжил практику изъятия документов, компрометирующих императорскую фамилию, уделив особое внимание документам, вышедшим из-под пера его бабки. Известно, например, что уже вскоре после своего вступления на престол Александр I забрал в свой кабинет подлинник записок Екатерины II⁴. По поручению императора чиновник Министерства иностранных дел **Павел Степанович Бутягин** вел в Европе скупку документов, которые могли бы бросить тень на династию. В частности, этот агент

¹ Из писем князя А. И. Вяземского к графу А. Р. Воронцову // РА. 1911. № 12. С. 507; *Лямина Е. Э., Песков А. М.* О «Записках» Массона // *Массон III*. Секретные записки о России. С. 11–12.

² Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // РА. 1897. № 3. С. 410.

³ *Семевский М. И.* Материалы к русской истории XVIII века // ВЕ. 1867. Т. 1. С. 301; *он же.* Описание орденов разных вещей и драгоценностей императора Павла I, с распределением их по смерти императора, в 1801 году, разным лицам // ЧОИДР. 1867. Кн. 2. С. 89–119; 1807 год. Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // РА. 1868. № 1. С. 24.

⁴ *Кононов Ю. М.* Из истории организации и комплектования бывшего Государственного Архива Российской империи // Труды МГИАИ. Т. 8. М., 1957. С. 284, 289.

приобрел по распоряжению Александра I «Чистосердечную исповедь» Екатерины II¹. В 1817 г. в Россию был запрещен ввоз с 5-го по 8-й том сочинения уже упомянутого П. Ш. Левека² издания 1812 г. Причина этого заключалась в том, что именно в этих разделах говорилось «о любовных связях Екатерины II с Салтыковым, Понятовским, Орловым, Потемкиным» и «о несчастье, случившемся в ночь на 12 марта 1801 г.»³.

Александр I интересовался и эпистолярным наследием своей бабки. Так, император знакомился с ее перепиской с Ф. М. Гриммом, которая затем была сдана на хранение в МГАМИД⁴. Кроме того, уже вскоре после вступления на престол, в мае 1801 г., император отдал распоряжение Д. П. Трощинскому разобрать бумаги Екатерины II и выбрать те материалы, о которых было дано «особое Его Величества повеление». Процесс ознакомления с документами императрицы оказался долгим. По крайней мере, известно, что бумаги Екатерины II изучались и в следующем, 1802 г.⁵

Старший сын Павла I озаботился изъятием документов, которые могли нанести вред царской семье, и у других известных современников. В 1820 г. стало известно, что одно частное парижское издательство приобрело переписку Павла I и Александра I с Наполеоном и намеревалось опубликовать эти послания. Российский император проявил интерес к этим письмам и поручил послу в Париже **Карлу Осиповичу Поццо ди Борго** провести переговоры о приобретении этой коллекции посланий за 1800–1812 гг. В итоге письма были приобретены за 175 тысяч фран-

¹ Дополнение к статье о браке Екатерины Великой с Потемкиным // РА. 1911. № 5. С. 105. Сведений о деятельности П. С. Буягина (1784–1847) сохранилось немного. Известно, что он в 1808–1815 гг. являлся секретарем российского посольства, а в 1815–1834 гг. занимал должность поверенного в делах в Париже и был одним из доверенных лиц Александра I. См.: *Горяинов С. М.* Елизавета Ивановна Буягина // РА. 1909. № 10. С. 1–26; *Губастов К.* Дополнение к статье о Е. И. Буягиной // РА. 1909. № 11. С. 319–332; Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 614–615.

² Сам П. Ш. Левек умер в марте 1812 г. и его работу продолжил Г. Б. Деппинг, дополнивший издание главой о правлении Павла I.

³ *Сомов В. А.* Книга П.-Ш. Левека «Российская история» (1782 г.) и ее русский читатель. С. 98.

⁴ Рассказы князя А. Н. Голицына // РА. 1886. № 7. С. 328. Факт наличия переписки императрицы с Ф. М. Гриммом также был известен современникам: упоминания об этих письмах содержатся в посланиях князя П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу. См.: *Остафьевский архив князей Вяземских*[: в 5 т.]. Т. I. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. СПб., 1899. С. 141.

⁵ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. № 2. Л. 1–2.

ков и вернулись в Россию. При этом курировавший эту операцию генерал-адъютант **Генрих Жомини** поручился Александру I, что с писем никто не делал копии¹. Сенатор К. И. Фишер привел в своих воспоминаниях разговор со светлейшим князем **Александром Сергеевичем Меншиковым** (1787–1869), бывшего долгое время человеком, очень близким к Александру I и всегда сопровождавшим императора во время его частых поездок по России и Европе. По словам мемуариста, Меншиков «не выходил, как говорили, из коляски государя десять лет». Александр I получил донос на светлейшего князя, который, якобы, в письме к своей жене описал «расстройство духа государя по получении известия о бунте Семеновского полка». После этого царь отдал письменное распоряжение петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу выкрасть это письмо у супруги Меншикова и прислать ему. История эта стала известна благодаря тому же Милорадовичу, рассказавшему ее светлейшему князю².

Александр I проявлял интерес и к документам лиц, принимавших участие в убийстве его отца в марте 1801 г. Так, после смерти в апреле 1822 г. одного из главных заговорщиков и последнего фаворита Екатерины II **Платона Зубова**, император приказал забрать все бумаги покойного, отправив в имение графа генерал-адъютантов Н. М. Бороздина и П. П. Сухтелена³. Государь также не чуждался интересоваться мемуарами своих современников. Так, узнав в 1823 г., что бывший министр юстиции, известный литератор И. И. Дмитриев, написал воспоминания, царь ознакомился с ними «и они ему столько понравились, что по желанию его величества императрица Елизавета Алексеевна делала для него разные из них выписки»⁴.

Немало хлопот Александру I доставляли и документы, вышедшие из-под пера ближайших родственников. Среди них особо следует выделить

---

¹ РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. № 169. Л. 1–22; РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. № 1031. Ч. 3. Л. 18 об. — 19. Позднее эти послания были изданы в сборниках РИО. Находясь на острове Святой Елены, Наполеон неоднократно высказывал идею обнародования писем к нему монархов Европы, дабы дискредитировать их деятельность против него. Подробнее об этом см.: Письма Александра I к императору Наполеону // ИВ. 1908. № 10. С. 329–334; Тимошук В. Наполеон на острове Св. Елены // РС. 1913. № 3. С. 616–623.

² Записки сенатора К. И. Фишера // ИВ. 1908. № 11. С. 434.

³ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 183–184; Записки А. И. Михайловского-Данилевского // ИВ. 1892. № 7. С. 73.

⁴ Записки А. И. Михайловского-Данилевского // ИВ. 1892. № 8. С. 293.

любимую сестру императора, великую княгиню **Екатерину Павловну** (1788–1819), которая некоторое время находилась в интимной связи с известным российским военачальником **Петром Ивановичем Багратионом**. Этот роман не был секретом и для членов царской семьи. Императрица Елизавета Алексеевна сообщила об этом своей матери в письме от 28 августа (10 сентября) 1807 г.: «Теперь княжна (Екатерина Павловна. — А. М.) не разлей вода с князем Багратионом, который уже два лета подряд живет в Павловске, как комендант тамошнего гарнизона... Ежели не был бы он столь безобразен, она рисковала бы своей репутацией, но наружность князя спасает ее»¹. Не был в восторге от этих любовных отношений и сам Александр I. Связь Екатерины Павловны с Багратионом продолжалась и после того, как великая княгиня стала женой принца Георга Ольденбургского. В итоге, дабы избежать скандала и обвинений сестры в супружеской измене, в июле 1809 г. император направил генерала в Молдавскую армию, что явно свидетельствовало о недовольстве Александра I поведением Багратиона². Скандалная история этой связи получила неожиданное продолжение после смерти Багратиона 12 сентября 1812 г. в селе Симы Владимирской губернии, где он находился на лечении после ранения в битве при Бородине. Екатерина Павловна, проживавшая в те дни в Ярославле, каким-то непостижимым образом узнала

¹ Елизавета и Александр. Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. М., 2013. С. 134.

² Анисимов Е. В. Генерал Багратион. Жизнь и война. М., 2009. С. 342. П. И. Багратион был не единственным, кто удостоился особого внимания со стороны Екатерины Павловны. Известно, например, увлечение великой княгини Михаилом Петровичем Долгоруковым (1780–1808), за которого она «даже собиралась выйти... замуж, забыв свои честолюбивые планы» (см.: *Богоявленский С. С.* Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна // Три века. Т. 5. М., 1913. С. 191). М. П. Долгоруков погиб 15 октября 1808 г. в ходе сражения у села Иденсальми во время Русско-шведской войны. По некоторым данным, незадолго до этого было получено согласие императрицы Марии Федоровны на брак Екатерины Павловны с М. П. Долгоруковым, но письмо с этим известием от Александра I уже не застало князя в живых. См.: *Дневник участника русско-шведской войны 1808–1809 гг. И. Ф. Соловьева / публ. Н. Б. Быстровой // Река времен (Книга истории и культуры). Кн. 1. М., 1995. С. 23; Голицын Н. С.* Бой при Иденсальми в Финляндии 15 (27) октября 1808 г. // РС. 1890 № 1. С. 99–103. Подробнее о М. П. Долгорукове см.: *Долгоруков П. В.* Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. 183–187; *Николай Михайлович (вел. князь).* Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования. Биографические очерки. СПб., 1901. С. 44–74; *Ольховский Е. Р.* Войной в Скандинавии оборванный роман // ВИЖ., 2003. № 8. С. 62–65; № 9. С. 73–75.

о смерти своего бывшего возлюбленного уже на следующий день¹ и сразу же потребовала от брата уничтожения ее писем к Багратиону. В тоне, близком к паническому, она писала Александру I 13 сентября 1812 г.: «Пишу это письмо, чтобы сказать вам о предмете, который для меня мучителен и сам по себе, и из-за его щекотливости. В конце концов, признание моих ошибок и стечение обстоятельств могут снискать мне прощение и ваше согласие на мою просьбу. Вчера вечером умер Багратион; тот, кто доставил письмо, видел его мертвым, а один из адъютантов говорил, что он на краю смерти: значит, это верно. Вы помните о моих отношениях с ним, и что я вам говорила, что у него в руках имеются документы, способные меня жестоко скомпрометировать, попав в чужие руки. Багратион клялся мне сотни раз, что уничтожил письма, но я, зная его характер, всегда сомневалась в правдивости его клятв. Для меня бесконечно важно, [зачеркнуто: “да, пожалуй, и для вас тоже”], чтобы подобные документы не получили известность. Я прошу вашего соизволения распорядиться опечатать его бумаги и доставить их вам, и разрешите мне просмотреть их и изъять то, что принадлежит мне. Они должны находиться или у князя Салагова [именно ему Багратион оставлял на хранение свои бумаги. — А. М.] <...> или при нем самом <...> Прикажите сделать это и поскорее, дело не терпит отлагательства, ради Бога, пусть никто не заглядывает внутрь, потому что это меня скомпрометирует чрезвычайно»². Скорее всего, речь шла об интимной переписке, а если точнее — о любовных письмах Екатерины Павловны к генералу. В конце сентября 1812 г. из Петербурга в Симы для ознакомления с бумагами Багратиона были направлены чиновники Чикунов и Березовский. Они проявили особый интерес к частной переписке Багратиона, но никаких писем к нему от великой княгини обнаружено не было. Не нашли письма и среди бумаг, доставленных из села Симы к Александру I в Петербург. Среди них были пакет с «рескриптами разных государей», пакет с письмами «партикулярных разных особ», два пакета «щетов» и «портфель красный с бумагами». Император сообщил сестре, что «я было принялся их разбирать, они были в полном беспорядке, и если бы там не находилась вся секретная военная переписка, необходимая

¹ Начальник штаба 2-й Западной армии генерал Э. Ф. Сен-При отправил письмо императору о смерти Багратиона 14 сентября 1812 г., т. е. через два дня после его кончины. См.: Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. С. 244.

² Николай Михайлович (вел. князь). Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 85.

в настоящих обстоятельствах, то послал бы все вам <...> Но через несколько дней поисков я убедился, что наши розыски напрасны...». По указу царя опросили адъютанта Багратиона С. П. Брежинского, который уверил, что после смерти генерала были опечатаны абсолютно все бумаги. Тогда к розыску привлекли близкого друга и доверенное лицо Багратиона — генерал-лейтенанта С. И. Салагова. Тот полагал, что письма, столь беспокоившие Александра I, были сожжены Багратионом при отъезде в Молдавскую армию. Речь шла о двух записках великой княгини к Петру Ивановичу. Салагов, у которого Багратион обычно хранил свою шкатулку с документами, сообщал, что отправляясь в 1811 г. в Житомир, Багратион против обыкновения захватил с собой и шкатулку: «Я и по днесь не могу понять, ради каких причин он и тогда хранил записки. Верьте мне <...> что оные ничего в себе, кроме одной детской игрушки, не составляли». Обо всем этом Александр I 8 ноября 1812 г. известил сестру. Несколько лет спустя император вновь предпринял секретные поиски писем Екатерины Павловны к Багратиону через того же Салагова, который в январе 1818 г. проинформировал монарха о результатах выполнения деликатного «всевысочайшего поручения касательно отыскания записок». Царь и тогда сильно опасался, как бы эти письма, пойдя они по рукам, не бросили бы тени на честь императорской фамилии. Однако ничего компрометирующего великую княгиню обнаружено не было. Эти розыски были предприняты через несколько лет после смерти Багратиона. В начале же октября 1812 г. чиновники забрали в Петербург все найденные бумаги покойного полководца. Среди вещей Багратиона нашли четыре портрета, которые он всегда возил с собой. Одним из них был портрет Екатерины Павловны в золотом футляре¹.

При Александре I складывается и практика возвращения в Россию писем ушедших в иной мир представителей императорской фамилии.

---

¹ Грибанов В. К. Багратион в Петербурге. Л., 1979. С. 205–207; Анисимов Е. В. Генерал Багратион. Жизнь и война. С. 343–345. Екатерина Павловна и позднее регулярно беспокоила Александра I своим поведением. В декабре 1812 г. у великой княгини внезапно скончался муж, принц Георг Ольденбургский, после чего она отправилась на поиски жениха в Европу, оказывая знаки внимания многим представителям владетельных домов. Среди них был и прусский король Фридрих Вильгельм III. В декабре 1813 г. граф А. Нейдхарт фон Гнейзенау сообщал князю К. А. фон Гарденбергу, что «из-за назойливых знаков внимания сестры императора король вынужден переместиться в штаб принца Шварценберга и реже видеть Его Величество (Александра I. — А. М.)». (Зазулина Н. Н. Князь А. Н. Голицын: неизвестный во всех отношениях. М., 2019. С. 96.)

Касалось это тех членов царской семьи, которые жили за границей. Так, после внезапной смерти в январе 1819 г. все той же сестры императора Екатерины Павловны, ставшей к тому времени королевой Вюртембергской, все ее документы и записки, включая и письма к Александру I, были отправлены секретарем королевы Ф. Ф. Бушманом в Веймар к сестре покойной Марии Павловне. Из Веймара эти письма, надо полагать, были переправлены в Россию¹. Примечательно, что вскоре в Петербург прибыл посланник короля граф Берольдинген, который потребовал от Александра I вернуть письма, которые писала сестра, находясь в Штутгарте. Император отказался сделать это. При этом письма, которые Екатерина Павловна писала фрейлине А. П. Алединской, были возвращены². Подобные меры практиковались и в отношении придворных. Когда в 1825 г. в Париже умерла подруга императрицы Елизаветы Алексеевны графиня **Анна Ивановна Толстая**, урожденная Барятинская, вся корреспонденция к ней от императрицы была возвращена сыном³.

Секретные документы, затрагивающие престиж династии, тщательно охранялись в архивах. Так, значительная часть этих материалов хранилась в Петербургском архиве Коллегии иностранных дел⁴. В архиве Сената в отдельных запечатанных кладовых хранились «дела бывшего с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 года правления принца Иоанна. Отдельно хранились и документы Тайной канцелярии, которые указом от 21 февраля 1762 г. «повелено предать вечному забвению»⁵.

В отдельных случаях члены императорской фамилии могли знакомить некоторых лиц из своего окружения с документами, связанными с историей династии Романовых. Но таких случаев было немного. Известно, например, что в начале 1760-х гг. с материалами по делу кабинет-министра А. П. Волынского познакомился **Никита Иванович Панин**. По свиде-

---

¹ Факт получения Александром I документов Екатерины Павловны после ее смерти отметили и некоторые современники. См.: *Шишков А. С.* Записки, мнения и [: в 2 т.]. Берлин, 1870. Т. 1. С. 209.

² *Йена Д.* Екатерина Павловна: великая княжна — королева Вюртемберга. М., 2006. С. 378.

³ *Николай Михайлович (вел. князь)*. Письмо императрицы Елизаветы Алексеевны к неизвестной, писанное 1 февраля 1815 г. из Вены // *ИВ*. 1916. № 6. С. 739.

⁴ *Автократова М. И., Буганов В. И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 49–50.

⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 587. Л. 280.

тельству С. А. Порошина, 15 октября 1764 г. Никита Иванович в его присутствии рассказывал, «что он недавно читал это дело, и чуть его паралич не убил. Такие мучения претерпел несчастный Волынский и так очевидна его невинность!»¹. Другим посвященным в события прошлого был известный историк Н. М. Карамзин, получивший «с высочайшего соизволения» доступ к некоторым секретным династическим документам. Своими впечатлениями от знакомства с этими текстами историк щедро делился с окружающими. 1 апреля 1820 г. он писал И. И. Дмитриеву: «Читаю Записки Герцога Лирии о Петре II, об Императрице Анне Ивановне: как любопытно! Вижу перед собой и Долгоруких, и Голицыных, и Бирона и Остермана. Это манускрипт, почти никому не известный. Недавно читал я также допросы Лестока и Бирона, жалея, что не буду писать истории сего времени». 27 ноября 1823 г. историк вновь сообщал своему корреспонденту: «Я читаю теперь Дела времен Императрицы Анны. Передо мною большой сундук. Ужасы!»² Здесь, надо полагать, имеется в виду сундук с делом А. П. Волынского, который Карамзин получил, по свидетельству К. С. Сербиновича, через князя А. Н. Голицына³. Своими впечатлениями от прочитанных документов историк делился в беседах и с другими лицами. Один из этих карамзинских монологов, датируемый 7 мая 1825 г., приводит в своих воспоминаниях все тот же К. С. Сербинович: «История этих времен известна нам более древней по главным своим событиям, но истинные причины разных событий, жизнь и характеры многих лиц доходили до нас нередко в превратном смысле, и мы часто, по слухам, хвалим их и порицаем несправедливо. Политика того времени, по необходимости, закрыла от нас истину. Вот нечто взятое из достоверных источников. Петр II подавал о себе прекраснейшие надежды. Он погиб от своих любимцев, которые разстроили его здоровье, действуя из личных видов. Сестра его, Наталья Алексеевна, была принцесса с редким благоразумием и часто была наставницей его; но скончалась от горести, видя его беззаконные связи. Обручение Петра II с княжною Долгоруковою было принужденное. При императрице Анне

¹ Порошин С. А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1844. С. 174.

² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 285, 363.

³ Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича // РС. 1874. № 9–12. С. 71.

важнейшую роль играл бесспорно Бирон; но он совсем не был так жесток, как описали его современники; имел даже многие благородные свойства; впрочем, главная страсть вельмож тогдашнего времени была взаимная ненависть. Так и Волынский сам вел интриги против Бирона, от которого и погиб. Волынский не имел качеств истинного патриота, был искателен, роскошен, коварен, низок, и все из личных видов, корыстолюбив и мучитель (таков поступок его с Тредьяковским). Казненный с ним Еропкин был человек весьма ученый. Герцогиня Брауншвейг-Вольфенбюттельская (Анна Леопольдовна. — А. М.), женщина прекраснейших свойств и умная, но поведения сомнительного. Преемница Анны, Елизавета, вступив на трон с помощью гвардии, как будто опасалась того же и от других, проводила ночи без сна, в кругу избранных, до 6 часов утра, и вставала весьма поздно <...> Царствование Екатерины II ознаменовано великою мудростию. Только под конец излишне смутили ее происшествия французской революции»¹. Был знаком Н. М. Карамзин и с другими документами недавних времен, в частности, с дипломатической перепиской времен Екатерины II. 3 июня 1825 г. историк писал И. И. Дмитриеву: «Граф Воронцов давал мне читать письма Безбородко к Гр. Александру Романовичу о временах Екатерины и Павла: он был хороший Министр, если не великой»².

Другим историком, получившим доступ к секретным документам, был **Константин Иванович Арсеньев**, который читал курс русской истории цесаревичу Александру Николаевичу. В 1835 г. **Василий Андреевич Жуковский** ходатайствовал перед императором о разрешении К. И. Арсеньеву работать в Государственном архиве и Архиве Министерства иностранных дел, мотивируя свою просьбу тем, что Арсеньеву «для преподавания Новейшей истории Российскаго государства нужно будет справляться с подлинными актами...». Разрешение Николая Павловича последовало 31 июля 1835 г., но с оговоркой, чтобы историк пользовался документами только «в самом архиве, и чтобы они ни под каким видом из архива не были выпускаемы». В итоге Арсеньев копировал многие документы, преимущественно XVIII столетия, которые позднее и были опубликованы³.

¹ Там же. С. 238–239.

² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 397.

³ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. № 47. Л. 1; Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. СПб., 1872. С. 52.

Были случаи, когда члены императорской фамилии и сами знакомили со своей семейной перепиской некоторых особ из своего окружения. Так, с выдержками из писем своей матери, прусской королевы **Луизы**, супруга Николая Павловича **Александра Федоровна** знакомила своего наставника в изучении русского языка В. А. Жуковского¹.

Некоторые письма членов императорской семьи становились достоянием гласности широких кругов. В российском обществе, а вернее, среди правящей элиты, существовала своего рода традиция знакомить своих близких с некоторыми письмами высочайших особ. Так, фрейлина **Анна Степановна Протасова** регулярно просила императрицу Елизавету Алексеевну писать ей записки, бережно хранила их и показывала всем «в доказательство того, в каких хороших отношениях она находится с Ее Величеством»². Н. М. Карамзин 7 сентября 1822 г. отправил И. И. Дмитриеву копии двух писем Александра I, адресованных историку, с просьбой не показывать их другим читателям³. Небезызвестный **Алексей Андреевич Аракчеев** копировал и раздавал всем желающим одно из последних писем к нему Александра I из Таганрога, написанное в связи с убийством крепостными графа его любовницы Анастасии Минкиной, в котором император призывал своего любимца в Таганрог и сообщал о том, что лично занимается подготовкой для него квартиры и что «никто более не принимает живейшего участия в его сердечной потере». Своим знакомым граф давал читать и последние письма царя, написанные из Таганрога⁴. Широкой популярностью в обществе пользовалось и письмо супруги Александра I Елизаветы Алексеевны, адресованное вдовствующей императрице Марии Федоровне с фразой, ставшей широко популяр-

---

¹ *Виницкий И.* «Лузиада» В. А. Жуковского: Из истории одного молитвенника // Летняя школа по русской литературе. 2018. № 2–3. С. 149. О взаимоотношениях императрицы Александры Федоровны с В. А. Жуковским см.: *Лямина Е., Самовер Н.* Жуковский и великая княгиня Александра Федоровна: к вопросу о конструировании образа // Пермский сборник. М., 2010. С. 144–158.

² *Тимошук В.* Николай Михайлович, великий князь. Письма высочайших особ к графине А. С. Протасовой // РС. 1913. № 11. С. 269. Некогда Протасова была доверенным лицом Екатерины II и уже в начале XIX столетия «безпрестанно напоминала» окружающим, что «была в милости» у императрицы (см.: Письма А. Я. Булгакова к его брату из Неаполя в Вену. 1802–1804 // РА. 1899. № 5. С. 30).

³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 335.

⁴ Воспоминания Н. И. Шенига // РА. 1880. Кн. 3. С. 323; Из рассказов графа А. А. Аракчеева // ИВ. 1894. № 10. С. 302, 303.

ной: «Наш Ангел на небесах». Письмо было переписано в сотне экземпляров и ходило по рукам, а фраза воспроизводилась на гравюрах, браслетах и траурных перстнях¹. В архиве супруги Николая Павловича императрицы Александры Федоровны хранились и некоторые письма Александра I, с которыми она знакомила своих близких². Подобная практика считалась тогда обычным делом: в обществе широко практиковалось совместное чтение некоторых ego-документов, в частности, писем.

Этот ритуал «совместного чтения», судя по некоторым сведениям, не совсем нравился Николаю Павловичу. Его отношение к этой традиции иллюстрирует эпизод, имевший место в 1818 г. после крещения старшего сына будущего императора — великого князя Александра Николаевича. По поводу этого события счастливый отец получил «прекрасное письмо» от старшего брата Александра I. Наставник супруги великого князя В. А. Жуковский, человек, достаточно близкий к царской семье, спросил у Николая Павловича, можно ли прочитать это письмо. На это великий князь ответил, что письмо «не для всех». Адъютант брата императора и друг Жуковского В. А. Перовский предположил, что «по крайней мере письмо для немногих». На эти слова великий князь «посмотрел на Жуковского, улыбнулся и переменял речь»³.

Став императором, Николай Павлович привычкам не изменил и не терпел публичного обсуждения своих фамильных дел. Супруга царя, Александра Федоровна, в одном из разговоров заметила, что «импера-

---

¹ *Николай Михайлович (вел. князь)*. Новые материалы к вопросу о кончине императора Александра I // ИВ. 1914. № 3. С. 866. См. также: Воспоминания Н. И. Шенига // РА. 1880. Кн. 3. С. 283–284; *Деменков П. С.* Мои воспоминания (об Александре Павловиче) // РА. 1911. № 9. С. 118; Записки А. Я. Булгакова. Современные происшествия и воспоминания мои // Старина и новизна. 1917. Кн. 22. С. 121–122; Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 296–297; *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 140; *Колечицкая А. И.* Мои записки от 1820-го года // Лица. Биографический альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 313; Записки графа Федора Петровича Толстого. М., 2001. С. 216; НИОР РГБ Ф. 178. № 8749 – 2. Л. 1; Ф. 743. Картон 23. № 6. Л. 109–109 об.

² 12 августа 1860 г. великий князь Константин Николаевич записал в дневнике: «Саша (Александр II. — А. М.) нам читал письмо Александра Павловича, которое Мама́ нашла в своих старых бумагах, и ответ на него князя А. Н. Голицына. Оба примечательны своим странным мистицизмом». См.: Дневник великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М., 2019. С. 201.

³ Письма Александра Тургенева к Булгаковым. М., 1939. С. 9.

тор не любит, когда говорят о семейных секретах»¹. Неудивительно, что голландский дипломат **Луи-Якоб-Теодор ван Геккертн**, который в своих депешах правительству позволил себе сообщить сведения о собственных частных разговорах с царем о семейных делах своего монарха, вызвал сильное раздражение императора. За этот поступок Геккертн удостоился от Николая Павловича эпитета «гнусный каналья». В связи с поведением дипломата, усугубившемся еще и его ролью в гибели А. С. Пушкина, император выдворил Геккертна из России². В эти же дни произошел эпизод, ярко иллюстрирующий отношение императора к собственным эпистолам. К умирающему Пушкину Николай Павлович отправил своего лейб-медика Н. Ф. Арендта с собственной запиской, написанной карандашом: «Любезный друг Александр Сергеевич, если не суждено нам видеться на этом свете, прими мой последний совет: старайся умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свое попечение». Тронутый проявленным вниманием императора, поэт убедительно просил царского врача оставить ему эту записку, но «Государь велел ее прочитать ему (Пушкину. — А. М.) и немедленно возвратить»³. Комментарии, как говорится, излишни.

* * *

Свидетелями многих семейных тайн династии Романовых являлись лица, входившие в окружение монархов. С XVIII столетия известна практика разбора бумаг не только скончавшихся членов императорской фамилии, но и известных государственных деятелей и придворных. Так, например, после смерти в ноябре 1742 г. канцлера **Алексея Михайловича Черкасского** разбирались его бумаги⁴. Подобным же образом поступили и в начале 1783 г. после кончины Н. И. Панина — его архив был опечатан, и часть документов Екатерина II решила оставить у себя⁵. В эпоху просвещенного абсолютизма подобных примеров «взя-

¹ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 494.

² *Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д.* Анна Павловна. Русская принцесса на Голландском троне. СПб., 2003. С. 64–67.

³ Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову // РА. 1879 № 6. С. 244; Последний день жизни Пушкина. М., 1990. С. 456.

⁴ Сб. РИО. Т. 99. СПб., 1897. С. 128.

⁵ *Степанов В. П.* Панин Никита Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 411. См. также: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. № 17.